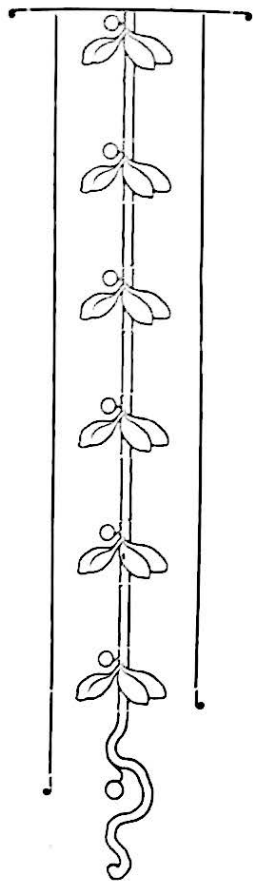

ЧЕХОВСКІЙ ≡

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИКЪ.

1860 $\frac{17}{\text{ЯНВАРЯ.}}$ 1910.

На родинѣ Чехова.

Извѣстный писатель Танъ, товарищъ по гимназіи А. П. Чехова, посѣтилъ родной имъ обоимъ Таганрогъ и дѣлится своими впечатлѣніями на страницахъ „Современнаго Мира“. (Январь).

И въ этихъ впечатлѣніяхъ интересно, конечно, все то, что относится непосредственно къ покойному писателю.

„Какъ далеко,—задаетъ авторъ вопросъ,—отразились въ творчествѣ Чехова воспоминанія дѣтства, слѣды этой оригинальной таганрогской обстановки, шумъ торговли, разгулъ контрабанды, смѣшеніе племенъ, запахъ южнаго моря, приволье степей?“

„Мнѣ кажется, — отвѣчаетъ г. Танъ, — меньше, чѣмъ можно было ожидать... Антонъ Чеховъ, „человѣкъ съ моря“ (правда, только съ Азовскаго моря), вышелъ какимъ-то чудомъ писателемъ средней Россіи. Пейзажъ и природа, чувства и мысли Чехова принадлежатъ средне-русской полосѣ. Петербургъ, Москва, подмосковская деревня, „Вишневый садъ“, „Мужики“, „Въ оврагѣ“ „Три сестры“, „Дядя Ваня“. Все это—сѣверъ, сѣрый и смутный, полный унылой прелести, блѣдныхъ красокъ и мягкихъ оттѣнковъ.

Южные краски, даже въ Таганрогѣ и въ Одессѣ, рѣзче, грубѣе и ярче.

Однако, собственно, таганрогскій пейзажъ и обстановка, старые городскіе рассказы, анекдоты и случаи изъ дѣйствительной жизни вкраплены въ творчествѣ Чехова, особенно въ раннемъ періодѣ, отдѣльными островками и цѣлыми кусками“.

Авторъ отмѣчаетъ тѣ произведенія Чехова, въ которыхъ отразились таганрогскія впечатлѣнія послѣдняго. „Огни“—рассказъ таганрогскій по всей картинѣ и по всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ. Также и „Степь“. „Палата № 6“—

это таганрогскій сумасшедшій домъ. „Хирургія“—таганрогское приключеніе. „Лошадиная фамилія“—таганрогскій анекдотъ. Знаменитый „человѣкъ въ футлярѣ“ списанъ съ инспектора таганрогской гимназіи А. Ф. Дьяконова.

И по словамъ г. Тана, нѣсколько мелкихъ, кромѣ упомянутыхъ, разсказовъ Чехова до такой степени были списаны съ натуры, что покойному писателю приходилось „даже терпѣть нареканія отъ близкихъ за свою литературную нескромность“.

„Конечно, А. П. Чеховъ прошелъ сквозь таганрогскую гимназію, никѣмъ не замѣченный. „Былъ хорошій ученикъ, но особенно не выдавался,—сказано о немъ у официальнаго историка таганрогской гимназіи г. Филевского. На окончательномъ экзаменѣ Стефановскій, учитель словесности, обратилъ вниманіе педагогическаго совѣта на необыкновенную литературную отдѣлку и смысл (!) сочиненія ученика Антона Чехова“.

Кстати, г. Танъ даетъ характеристику тѣмъ педагогамъ, у которыхъ приходилось учиться А. П. Чехову.

Безотрадная, щемящая душу картина. Какой-то спеціальный подборъ бездарныхъ, тупыхъ, злыхъ и нелѣпыхъ людей, во власть которымъ были отданы сотни дѣтей и юношей. Чеховъ былъ счастливъ, что проскочилъ счастливо черезъ эту колючую изгородь педагогическаго кренинизма. А сколько погибло!

Тотъ же официальный критикъ говоритъ про время, когда воспитывался Чеховъ:

„То было время самаго строгаго школьнаго режима, время безпощаднаго господства классицизма“.

„Дѣло реорганизаціи началось съ безпощадною строгостью. Въ два года гимназія была разогнана. Неумѣренные ревнители, вырывая плевелы, порывали и лучшіе колосья. Даровитыхъ, выдающихся учениковъ не стало, какъ сквозь землю провалились. Были вопіющіе примѣры. Четвертый классъ имѣлъ 42 ученика, а черезъ два года подъ прессомъ древнихъ языковъ осталось только 16. Вновь наѣхавшіе воспитанники нѣсколько маскировали это избіеніе младенцевъ“.

Таковы пути русскихъ талантовъ. Кто же виноватъ, что такъ скуденъ на нихъ урожай?

Ап. Ожиговъ.